

АВТОР И АДРЕСАТ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ АРХИВА А. М. РАЕВСКОЙ

Орехова Л. А.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: la.orehova@gmail.com*

Сам факт хранения в архиве А. М. Раевской стихотворения «Владиславу Максимовичу. 21-го января 1862», переписанного ее рукой, но не ей посвященного и, к тому же, имеющего загадочную помету «На станции Акбары» (почтовая станция на севере Крыма), нуждается в филологическом и историческом комментировании. Имя адресата стихотворения известно (В. М. Княжевич, председатель Таврической казенной палаты), но ответы на следующие, закономерно возникающие вопросы: кто автор стихотворного посвящения и каким образом помета «На станции Акбары» проясняет обстоятельства его создания – составляют задачи настоящей статьи. Привлекаются широкие филологические, исторические, регионально-исторические, историко-биографические, архивные материалы, которые позволяют высказать убеждение, что автором стихотворения является друг А. М. Раевской и В. М. Княжевича, Таврический губернатор 1829–1837 гг., сенатор А. И. Казначеев.
Ключевые слова: А. М. Раевская, В. М. Княжевич, А. И. Казначеев, «Очерк Южного берега Крыма», «Одесский альманах», литературное крымоведение.

ВВЕДЕНИЕ

Анна Михайловна Раевская (1819–1883) – фрейлина, дочь генерал-лейтенанта М. М. Бороздина (1867–1837, Симферополь), выйдя в 1839 г. замуж за командира Черноморской береговой линией генерал-лейтенанта Николая Николаевича Раевского-младшего (1801–1843), становится представительницей славного и древнего рода Раевских. В крымском краеведении о Раевских, Бороздиных написано немало, в том числе о их крымских имениях, о вкладе в развитие Крыма, о широкой хозяйственной и благотворительной деятельности. Значимая роль нескольких поколений Раевских в истории России не вызывает сомнений. Богатейший фамильный архив, сохранявшийся потомками, составил изданный в 1908–1915 гг. внуком Анны Михайловны – Петром Михайловичем Раевским (1883–1970) – пятитомный «Архив Раевских», под редакцией и с комментариями историка литературы, библиографа (впоследствии чл.-корр. РАН и АН СССР) Бориса Львовича Модзалевского (1874–1928).

В Предисловии к I тому П. М. Раевский обосновал убеждение, что публикуемая переписка Раевских «дает материал не только для биографий членов семьи Раевских, но и многочисленных лиц, – нередко игравших заметную роль в русской истории, <...> а также вообще для эпохи, которая охватывается сохранившимися документами» [1, с. IV]. Период 1858–1876 гг., которым ограничена наша тема, представлен в V томе издания; при этом 1858–1863 годы, как отметил Б. Л. Модзалевский, характеризуется «обильным количеством писем и документов». Доминирующее количество рукописных документов связано с личной перепиской

А. М. Раевской, переехавшей в 1857 г. из Крыма в Москву, где ее сыновья Николай и Михаил поступали в университет. Жизнь Анны Михайловны нередко проходит в длительных поездках из Москвы в Крым, где у нее несколько имений (из них главное – Карасан, где росло до 100 тыс. кустов винограда [11, с. 477]), требовали хозяйского глаза, и в вопросах хозяйственных забот А. М. Раевская, оставшись в 1843 г. вдовой с двумя сыновьями, проявила неженскую деловитость и твердость.

Среди черновиков писем, которые имела обыкновение оставлять в своих тетрадах А. М. Раевская, сохранилось записанное ею стихотворное посвящение, озаглавленное именем адресата: «Владиславу Максимовичу» с указанием даты – «21 января 1862». Внизу текста подписано: «На станции Акбары». В оглавлении Б. Л. Модзалевский атрибутировал стихотворение так: «Стихи в честь В. М. Княжевича. 21 января», что неоспоримо: Владислав Максимович Княжевич многие годы был большим другом семьи Раевских и действительно родился 21 января 1798 г. Но остаются другие вопросы: 1) кто автор стихотворения, поскольку использованные в тексте глагольные формы указывают на мужчину; 2) каким образом помета А. М. Раевской «На станции Акбары» проясняет обстоятельства создания стихотворения? Ответы на эти вопросы входят в задачи настоящей статьи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенность в том, что стихотворение написано в традиции дружеских и связанных с семейными праздниками стихотворных посвящений 1820-х годов [5, с. 43], что подчеркнуто изысканными оборотами «вольно родиться», «дружба нежная» и классическим «Vivat!». Лаконизм и изящество дружеского экспромта свидетельствуют, что автор воспитан литературной культурой начала века, причем петербургской культурой 1815–1825 годов, когда в создававшихся литературных обществах, часто салонных, особенно активной была захваченная литературными идеями чиновная молодежь [3; 5], что, кстати, дополнительно сигнализирует нам о возрасте, роде занятий автора. Диалог именинника с гостем естественно и зримо рисует искрометно-радостную встречу старинных друзей. Приведем стихи полностью:

Владиславу Максимовичу 21-го января 1862.

*«Удивляюсь, как решиться
Ехать по такой поре?»
Но вольно же Вам родиться
Не в июне – в январе.
По дороге грязной, снежной
Я, больной, к Вам прискакал,
Чтоб в порыве дружбы нежной
С Вами осушить бокал.
Никаким желаньем новым
Не приветствую я Вас:
Дай лишь Бог Вам быть здоровым,*

*Жить для счастья всех нас!
От Фортуны смело ждите
Кучи денег и наград, –
А от нас теперь примите
Поздравленья и Vivat!*

На станции Акбары» [2, т. 5, с. 400].

Крымская почтовая станция Акбары (тат.: Айбар, Ай-бар; ныне Войково Первомайского района) образована при селе Айбар по приказу Г. А. Потемкина; находилась в степном Крыму на тракте к Перекопскому перешейку, в 87 верстах от Симферополя по дороге в Перекоп – и далее в Херсон, Николаев. К середине XIX в. станция уже хорошо устроена, так что здесь ночевал уезжавший в столицу морской министр России А. С. Меншиков [10, с. 486].

После Крымской войны село оставалось малолюдным; по зимнему времени путешественников было немного. Картина способствует логичному предположению: снежным январским вечером 1862 г. здесь, при смене лошадей, А. М. Раевская случайно встретила либо автора стихотворения, либо В. М. Княжевича – тоже проезжающих в Крым или из Крыма. В беседе коснулись минувшего дня рождения В. М. Княжевича, и Анна Михайловна решила переписать сообщенные ей стихи. Но заметим деталь: скрупулезная в записях Анна Михайловна не указывает фамилию адресата – записывает только имя и дату рождения, таким образом сохранив для памяти лишь текст – т. е., она не сомневалась, что фамилию не забудет. Не записала и фамилию автора – зная, что ее она тоже не забудет: видимо, потому что подобное стихотворение мог написать только самый близкий друг и В. М. Княжевича, и ее, А. М. Раевской. Думается, из этого и следует исходить в разгадке авторства стихотворения.

Комментарии Б. Л. Модзалевского к переписке В. М. Княжевича с А. М. Раевской передают основные сведения о В. М. Княжевиче и разъясняют деловые и жизненные обстоятельства, о которых идет речь в письмах. Но этих сведений мало, чтобы представить конкретные обстоятельства в истории стихотворения. Необходимо сопоставить ситуации «во времени» и более широко, а это возможно, если учесть, что дворянские родовые связи складывались годами и что Владислав Максимович и Анна Михайловна были крымскими дворянами, их связывали и общие для Крыма заботы.

Владислав Максимович Княжевич (21 января 1798 – 28 апреля 1873) и его жена Мария Ивановна Княжевич (рожд. Сулова, 10 декабря 1800 – 30 января 1899) поселились в Крыму в 1832 г., когда Владислав Максимович принял должность Таврического вице-губернатора, затем – председателя Таврической казенной палаты. Впоследствии Княжевичи владели на Южном берегу Крыма (по дороге из Алушты в Судак) виноградарскими имениями Кучук-Узень (ныне Малореченское) и частью имения Туак (ныне Рыбачье). Несомненно, В. М. Княжевич хорошо был знаком и с отцом Анны Михайловны М. М. Бороздиным, и с ее мужем Н. Н. Раевским, командиром Черноморской береговой линии; почтительно относился к заслугам Раевских и Бороздиных перед Отечеством.

Российский род Княжевичей был «молод»: в 1773 г. серб Максим Дмитриевич Княжевич перебрался в Россию «из Госпича, местечка в Военной-Кроации в полку Личском» [14, с. 3], стал кавалергардом Екатерины II «в числе 12-ти избранных»; в дальнейшем по рекомендации Г. Р. Державина получил место прокурора в Уфе [22, с. 132]. Отцовские трудоспособность, патриотизм, талант унаследовали его сыновья – Дмитрий, Александр, Николай и Владислав. Все четверо учились в Казанской гимназии (вместе с С. Т. Аксаковым и братьями Панаевыми). Старший из братьев, Дмитрий Максимович (25 апреля 1788 – 1 октября 1844), первым уехал в Петербург, поступив канцеляристом в Экспедицию о государственных доходах ведомства Государственного казначейства; в 1831 г. он стал директором Департамента Государственного казначейства [24, с. 103]. После смерти отца (М. Д. Княжевич умер в 1809 г.) в Петербург перебрались и младшие братья, начиная службу с самых незначительных постов в Министерстве финансов. Как и многие молодые чиновники, в Петербурге Княжевичи совмещали службу с занятиями литературой, пробовали силы в стихах и критике; являлись членами Вольного общества любителей российской словесности, в 1825 г. Д. М. Княжевич стал вице-президентом Общества [3, с. 291; 18]. Достаточно сказать, что произведения Княжевичей можно встретить в «Цветнике» 1809–1810 гг., в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года [19, с. 79–87], в «Соревнователе просвещения и благотворения», издаваемом Вольным обществом любителей российской словесности, в «Благонамеренном» А. Е. Измайлова, «Невском альманахе» Е. В. Аладына, в «объединившей лучшее в словесности обеих столиц» [5, с. 224] «Полярной звезде» А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева, в «Калужских вечерах» А. А. Писарева и др. изданиях 1810–1825 гг. [18].

Увлеченность просвещением была в обычаях той эпохи «образования и воспитания умов» (П. В. Анненков). Кстати будет привести цитату из очерка Владислава Княжевича «Убивать время» («Невский альманах на 1825 год»), где выражено стремление к просветительским «упражнениям»: «Нет ничего более доказанного в мире, как то, что человек создан действовать: если судьба поставила вас выше вседневных нужд и работ, которым природа покоряет род человеческий, – образуйте свою душу, просвещайте свой разум, доставляйте себе благородные упражнения, употребляйте время на то, чтоб сделаться лучшими и, следовательно, более счастливыми» [9, с. 165–180]. Княжевичи работали над собой всю жизнь и, можно сказать, всю жизнь оставались «соревнователями просвещения». Так, в 1820 г. Д. М. Княжевич осуществил фольклорное издание «Подарок на святки 1820–1821 годов». В 1822 г. в С.-Петербурге (в тип. Карла Крайя) вышло его «Полное собрание русских пословиц и поговорок, расположенное по азбучному порядку. С присовокуплением таблицы содержания оных для удобнейшего их приискания» (подписано: «Д. К.»). Собрание содержит 5365 русских пословиц и поговорок, использованных впоследствии в собрании пословиц и поговорок В. И. Даля [21, с. 103–114]. В 1823 г. братья Княжевичи издавали «Библиотеку для чтения» – прибавление к журналу «Сын отечества».

К 1830-м годам братья Княжевичи занимают серьезные чиновные посты, но для объективной характеристики их деятельности нужны более широкие сведения. Так,

Дмитрий Максимович, являясь с 1831 г. директором Департамента государственного казначейства, в 1837 г. резко меняет поприще службы. Он избран членом Российской Академии (в феврале 1837 г.) и, «по выбору» министра народного просвещения С. С. Уварова, назначается попечителем Одесского учебного округа, где организует Одесское общество истории и древностей, подготавливает к печати «Записки» Общества; издает Новороссийский календарь, «Одесский альманах» на 1839 и 1840 гг., много делает для становления народного образования в Одесском учебном округе, в том числе в Крыму [20, с. 137–152]. Это соответствует и его деятельному, энергичному характеру, и страстному с юности стремлению к наукам и литературе.

Александр Максимович Княжевич служит в министерстве финансов, и в 1858 г., после Крымской войны, в тяжелейший период подготовки крестьянской реформы ему доверяется пост министра финансов России. Николай Максимович, поэт, полковник в отставке, «страстный садовод и цветовод» [7, с. 268], с начала 1830-х годов служит председателем Рязанской губернской казенной палаты. Младший из братьев, Владислав Максимович, с 1832 г. 30 лет служил в Крыму, много сделав для хозяйственного развития губернии; особенно значима его роль председателя Таврической казенной палаты во время Крымской войны [23, с. 431–461].

В крымский период службы В. М. Княжевич опубликовал в «Одесском альманахе на 1840 год» поэтический перевод с нем. яз. поэмы «Элиазар» из «Маккавеев» И. Л. Пиркера, очерк-«путешествие» «Ишель и Гастейн». В «Одесском альманахе на 1839 год» появляется написанный В. М. Княжевичем в соавторстве с А. И. Казначеевым объемный «Очерк Южного берега Крыма». Последнее произведение имеет в свете нашей проблемы особое значение.

Текст подписан: «(А+В) К. Симферополь. Октябрь, 1838». Загадку криптонима раскрыл вскоре А. И. Казначеев в письме к Ю. Н. Бартеневу (9 марта 1842 г.) при посылке из Симферополя «Одесского альманаха»: «Литературу я очень люблю и подчас занимаюсь ею. <...> Посылаю Вам очерк Южного берега, начатый Княжевичем и dokonченный с 21-й страницы мною в 1838 году. Мы наскоро начертали его, по заказу, так сказать, издателя Одесского Альманаха (Д. М. Княжевича. – Л. О.). Теперь иное переменялось к лучшему, и я замышляю составить нечто полнее» [26, с. 123]. Задумка подписать текст «(А+В) К.», видимо, принадлежит Казначееву; в скобках скрыты имена авторов, а общая для фамилий «К» сохраняла память о их близкой дружбе, сотрудничестве. Отметим, что в тематической, сюжетной и стилистической организации текста совершенно не заметно «смены пера». Это значит, что Казначеев, писавший очерк после 21-ой страницы, уловил нюансы стилистики Княжевича и вообще тонко чувствовал слово. В «Очерке Южного берега Крыма» Княжевича и Казначеева объединяли горечь, что «Россия мало известна русским», и идея дать не мифологическое представление («полуостров представлял собой terra incognita для всего цивилизованного мира» [16, с. 5]), а «верное понятие» «об одной нашей стороне, об одном маленьком лоскутке нашего беспредельного отечества, который называется Крымом» [11, с. 470]. Ясно, что «культурное освоение Крыма было, прежде всего, российской задачей» [16, с. 7], и (А+В) К. стремились «говорить» «о настоящем состоянии» Южнобережья, потому что «в этом отношении Крым не так известен своим соотечественникам, как бы того

заслуживал» [11, с. 469–470]. На тот период наиболее актуальным отражением хозяйственного развития полуострова отличался лишь «Путеводитель путешественника по Крыму» Ш. Монтандона [13]. Собранный здесь информация была разнообразной и полезной, путеводитель создавал «документальную панораму Тавриды» [17, с. 13–14], однако в обществе явно ощущался запрос на расширение и детализацию сведений, что было под силу лишь авторам, вовлеченным в процессы местной жизни. Хорошо знавшие, по своему должностному положению, и достижения, и задачи хозяйственного развития Крыма, Казначеев и Княжевич подробно, «на пространстве» от Симферополя до Севастополя, рассказывают об освоении Южного берега, о развитии виноградарства и садоводства, строительстве дорог, создании предприятий. Дата под текстом – «Октябрь 1838» – означает окончание работы над очерком. Но она уточняет и обстоятельства: В. М. Княжевич в это время, получив отпуск, уехал на лечение в Австрию, чем и объясняется приостановка в его работе; в 1837 г. А. И. Казначеев вышел в отставку с должности Таврического губернатора, и написание очерка для него становилось своего рода отчетом, «хроникой» пережитого.

Александр Иванович Казначеев (7 ноября 1788, Рязань – 20 июня 1880, Москва) – участник Бородинского сражения, действительный тайный советник, сенатор. Начиная службу в Петербурге в 1807 г. в канцелярии попечителя С.-Петербургского учебного округа, в 1809 г. был переведен в Комиссию по составлению законов [4, с. 33]. Здесь сдружился с С. Т. Аксаковым, хорошо знавшим Княжевичей по Казанской гимназии и, возможно, уже тогда познакомился с Дмитрием Княжевичем, а позднее и с его младшими братьями. В 1823 г. Казначеев служил правителем канцелярии наместника Новороссийского и Бессарабского М. С. Воронцова; в 1828 г. назначается на должность градоначальника в Феодосии, в 1829–1837 гг. являлся губернатором Таврической губернии. В 1834 г. пожалован в тайные советники. Следует иметь в виду, что на должность губернатора А. И. Казначеев согласился не сразу, сознавая противоречивость решений Воронцова относительно порта Феодосии; за годы губернаторства Казначеев сумел много сделать для Крыма и в 1837 г. вышел в отставку [4, с. 33–38]. А через несколько лет, в 1845 г., он был избран Таврическим губернским предводителем дворянства.

Находясь на первых постах в губернии, Казначеев и Княжевич хорошо узнали друг друга. Даже дачи их близ Симферополя в Салгирской долине (Мариино, иначе: Марьино – В. М. Княжевича и Джиен-Софу – А. И. Казначеева) находились рядом. Возникает логичное предположение, которое и попытаемся обосновать последующими рассуждениями и документами: автором стихотворного посвящения В. М. Княжевичу является А. И. Казначеев.

А насколько близки были семьи Казначеевых и Раевских, свидетельствует ряд писем Казначеева к Анне Михайловне, которые позволяют судить о самых теплых и доверительных отношениях, сложившихся еще в 1837–1841 годах, когда Н. Н. Раевский являлся командиром 1-го отделения Черноморской береговой линии и жил с семьей в Керчи. Об этом свидетельствует переписка А. И. Казначеева с А. М. Раевской 1840-х г. Еще более свидетельствуют о том сохранившиеся чудом после всех войн архивные записи в метрической книге керченской Свято-Троицкой

церкви. Здесь запись, что 5 января 1841 г. тайный советник и кавалер А. И. Казначеев и жена генерал-лейтенанта А. М. Раевская были восприемниками при крещении сына керченского градоначальника З. С. Херхеулидзева – Александра [6, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 3, л. 203]. А 26 февраля 1841 г. в той же церкви крестили сына Раевских Михаила, и восприемниками выступили А. И. Казначеев и вдова действительного тайного советника Варвара Александровна Баранова [6, ф. 289, оп. 1, ед. хр. 3, л. 210]. Сказанного достаточно, чтобы видеть в Казначееве преданного друга семьи. Особенно необходимой была его и В. М. Княжевича помощь А. М. Раевской после смерти ее мужа.

В 1854 г. Казначеев стал сенатором; жил в Петербурге, в Москве. Состоял, между прочим, членом комиссии по наблюдению за постройкой Храма Христа Спасителя; в 1860–1863 гг. являлся управляющим сохранной кассы при Московском Воспитательном Доме. С переездом в 1857 г. Анны Михайловны в Москву они часто навещали друг друга, обменивались письмами и записками: скажем, опубликованные в «Архиве Раевских» письма и записки Казначеева от 15 сент. 1859 г. (2, т. 5, с. 127–129), 11 января 1860 г. (2, т. 5, с. 145), черновик записки Раевской к Казначееву, датируемый октябрём – ноябрём 1859 г. (2, т. 5, с. 135). В устройстве хозяйственных крымских дел А. М. Раевская теперь часто обращалась к жившему в Крыму В. М. Княжевичу, способному и посоветовать, и выполнить любое поручение. Так, весной 1858 г. Княжевич занимается оформлением документов по продаже дома Раевских в Симферополе для устройства в нем детского приюта. Вообще В. М. Княжевич и его жена Мария Ивановна с радостью оказывают множество разных услуг Анне Михайловне. Летом 1860 г. А. М. Раевская пишет из Москвы к Княжевичам и просит найти кухарку для приезжающего в Крым ее сына Николая [2, т. 5, с. 187]. Вот ответ М. И. Княжевич, иллюстрирующий уровень отношений (письмо на фр. языке; даем в переводе):

«30 июня 1860 г. Марьино.

Дорогая Анна Михайловна!

Ваше любезное письмо от 11 июня я имела удовольствие получить 26 числа сего месяца. Поскольку мы живем в деревне (Марьино – Л. О.), я в тот же день послала в город разыскать повара для ваших сыновей – найти его в Симферополе довольно трудно. Велико же было наавтра наше удивление, когда к нам приехал т-р Николай Раевский, но это было весьма кстати, потому что он заверил нас, что не имеет ни в чем нужды, так как Ваша экономка т-те Vorgeot, по полученным им справкам, имеет довольно хорошую кухарку, а молодые люди намеревались вести в деревне жизнь умеренную и непритязательную. Они собрались отправиться на побережье той же ночью, так что, вопреки моей воле, я не смогла помочь им в том, чего Вы желали. Жаль, дорогая Анна Михайловна, что я должна была упустить случай оказать Вам услугу...

Мой супруг и я очень сожалеем, что не можем преподнести Вам наших фотографий, хотя Ваше желание иметь их для нас обоих весьма приятно. Из десяти экземпляров фотографий моего супруга,

которые он взял из Петербурга, у него не осталось ни одной. А своей фотографии я никогда не делала.

Проведя с нами несколько часов, т-р Николай доставил нам удовольствие. Он показался нам очень благовоспитанным юношей и завоевал наши сердца. Находясь у нас одновременно с доктором, который давно живет в Крыму, он получил различные рекомендации на предмет того, как себя вести, чтобы не заболеть. Таким образом, в этом отношении Ваше желание выполнено. Мой супруг кланяется Вам, а я заверяю Вас в моей сердечной преданности.

Мари Княжевич» [2, т. 5, с. 190–191].

Сын Анны Михайловны Николай написал матери в Москву из южнобережного имения Раевских Карасан 6 июля 1860 г.: «<...> Отправился я к Княжевичевым, которые живут на своей даче в 5 верстах от Симферополя. Они приняли меня радушно, дали мне пообедать и потом отправились показывать мне и другим своим гостям сад <...>» [2, т. 5, с. 197]. Эти бытовые письма переводят наши рассуждения в важный для заявленной темы период 1860–1862 гг.; теперь оказывается необходимым любое свидетельство, восстанавливающее хронологию событий, поездок и объясняющее «хронотоп»: конец января 1862 года на станции Акбары.

Летом 1860 г., когда Николай Раевский посетил Княжевичей, они, после почти тридцатилетней жизни в Крыму, готовились к переезду в Петербург. К этому времени в живых оставался лишь один брат Владислава Максимовича – А. М. Княжевич, министр финансов России. Уже ушли из жизни Дмитрий Максимович – в 1844 г., Николай Максимович – в 1852 г. Хотя все Княжевичи были женаты, детей имел лишь Дмитрий Максимович; после его смерти заботу о племянниках – Антонине, Максиме, Екатерине и Марии – взяли на себя Александр и Владислав Княжевичи. В. М. Княжевич все более утверждает в мысли переехать в Петербург, продолжить там службу, приняв, в помощь брату Александру, должность советника министра финансов. К концу 1860 г. он с женой выезжает в столицу, оставляя пока не оформленной отставку от крымской должности.

О пребывании В. М. Княжевича в Петербурге в 1861 г. узнаем из дневника профессора Петербургского университета А. В. Никитенко. Друзья встретились в столице 6 января 1861 г. «Виделся с Владиславом Максимовичем Княжевичем, – записал А. В. Никитенко. – Очень обрадовались друг другу. Я искренно люблю и уважаю этого благородного и просвещенного человека» [15, с. 170]. 19 января 1861 г. А. В. Никитенко присутствовал на юбилее министра финансов А. М. Княжевича по поводу 50-летия его службы. А спустя два дня, 21 января 1861 г., Никитенко вновь в доме Княжевичей на Каменном острове – теперь на праздновании дня рождения Владислава Максимовича [15, с. 172]. 12 февраля: «дружеская беседа с Владиславом Максимовичем» в доме А. М. Княжевича [15, с. 176]. А. В. Никитенко встречается с В. М. Княжевичем и на юбилейном обеде 2 марта 1861 г. в честь 50-летия литературной деятельности П. А. Вяземского. Весенние записи А. В. Никитенко свидетельствуют, что они с В. М. Княжевичем видятся часто, подолгу беседуют [15, с. 184, 186, 191]. 7 июня 1861 г.: «<...> По обыкновению много беседовал с

Владиславом Максимовичем и с дамами. Немного погуляли. Вечер был тихий и безоблачный, с чудесным лунным светом» [15, с. 192].

Летом 1861 г. Никитенко уезжал на водные лечения. Трудно сказать поэтому, как долго оставался В. М. Княжевич в столице. Но вот важный для нас сигнал: рассказывая об обеде у министра финансов А. М. Княжевича 23 ноября 1861 г., А. В. Никитенко перечисляет всех присутствовавших, но не упомянуто о Владиславе Максимовиче; это означало, что в Петербурге его не было. Он уехал в Крым, возможно, еще летом и оставался там до февраля 1862 г.

В Крыму зимой 1861–1862 гг. оказались и А. М. Раевская, и А. И. Казначеев.

А. М. Раевская уехала из Москвы весной 1861 г., собираясь, по обыкновению, возвратиться из Крыма осенью. 20 июня 1861 г. А. И. Казначеев пишет ей из Москвы и сообщает, помимо прочего, о готовящейся поездке императорской фамилии в Ливадию в середине сентября 1861 г. Анне Михайловне он предлагает выехать из крымского имения, не ожидая поздней осени, по хорошей дороге, чтобы навестить другие имения Раевских до наступления зимы [2, т. 5, с. 300–301]. Рассказывает о своей занятости «по обязанностям первоприсутствующего в Департаментах Сената» и добавляет: «В конце июля буду свободнее, и если б было достаточно полувакантного времени, то полетел бы в Крым на крыльях восхищения» [2, т. 5, с. 301].

Приезд царской семьи был важным событием для Крыма, вносил коррективы в планы высокопоставленных владельцев южнобережных дач. Имение Ливадия было куплено удельным ведомством у наследников гр. Потоцкого; Александр II подарил его своей супруге, с тех пор имение заново застраивалось. В 1861 г., как описывалось впоследствии, «по окончании красносельского лагерного сбора» император «с императрицею и Августейшими детьми в первый раз отправился во вновь приобретенное имение»: «Они пробыли здесь до начала октября. Вся царская семья жила в этот раз в большом дворце (в доме графа Потоцкого)» [8, с. 349].

С 1867 г. царская семья приезжала в Ливадию почти каждую осень, но первый приезд для всех стал особенно значимым. По воспоминаниям К. К. Эшлиман, «царская семья жила очень просто»: «Доступ в Ливадию был открыт всем желающим, и члены царского семейства имели постоянное непосредственное общение и с ялтинскими горожанами, и с обывателями соседних деревень» [8, с. 350]. Очевидно, что А. М. Раевская, бывшая фрейлина, к тому же находившаяся в этот период в своем южнобережном имении, не могла не нанести визит в Ливадию, не участвовать в приемах. Это обусловило ее затянувшееся пребывание в Крыму до зимней поры 1861–1862 гг. Понятно теперь, почему она отправилась в Москву по крымскому бездорожью лишь в январе 1862 г.

Эту версию хронологии событий подтверждает сохранившийся в записных книжках А. М. Раевской черновик записки к В. М. Княжевичу от 17 ноября 1861 г. Документ не вошел в пятитомное издание «Архив Раевских» и хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН:

«17 ноября 1861 г. из Симферополя

Добрейший Вл<адислав> М<аксимович>. Позвольте моему управляющему просить Ваших разъяснений насчет одного очень важного пункта. Положение о питейном сборе, которое столько пугает наших воронежских заводчиков. Дело в том, что мы, т. е. мои товарищи-заводчики и я, опытнейшая из заводщиц, хотим даже смиренно припасть к стопам Александра М<аксимовича> (Княжевича, министра финансов. – Л. О.) и просить его о помиловании относительно какого-то параграфа, в котором говорится о каких-то чанах. Наше всенижайшее прошение будет, я вполне уверена, и красноречиво, и трогательно. В ожидании разъяснений означенного грозного параграфа остаюсь испуганная заводщица» [25, ед. хр. 351, л. 133–133 об.].

Трудно сказать, о каких чанах идет речь в Положении о питейном сборе, но остальное комментировать можно. А. М. Раевская уповаает на разъяснения В. М. Княжевича о принятых министром финансов мерах по переходу от разорительной для государства откупной системы винной торговли – к акцизной. Это была не единственная инициатива министра Княжевича в трудный период реформ. Из первых его мер было обращение в апреле 1858 г. к царю за разрешением, чтобы позволено было открыто писать и печатать о финансах «все беспрепятственно». Ему удалось немало сделать для спасения финансовой системы России [24]. Не будем останавливаться на финансовых решениях Княжевича, но приведем оценку его деятельности современником: «По даровитости, многостороннему образованию и опытности в делах финансовой части он с давнего времени пользуется обширной известностью, так что о нем знают и имя его произносят с уважением во всей России. Назначением его в министры финансов было отгадано общее желание <...> Все успокоились на счет управления нашими финансами, убеждены, что он не предпримет никаких шатких или обманчивых мер и не упустит случая, когда потребуют или позволят обстоятельства, сделать все истинно полезное» [7, с. 268].

Итак, А. М. Раевская оставалась в конце 1861 г. в Крыму, в Карасане, где и зимой тепло и где она улаживала сложные хозяйственные дела. Лишь перед самым отъездом из Крыма она побывала в Марьино у Княжевичей, о чем свидетельствует написанный на почтовой станции в Перекопе черновик письма, тоже не включенный в издание «Архив Раевских». На черновике надпись «Из Перекопа», дата не указана, но расположен черновик среди корреспонденций, помеченных 29 января 1862 г. Стало быть, писался в эти сроки. Вот этот архивный документ:

«Из Перекопа.

Добрейший Вл<адислав> М<аксимович>. Возвращая Вам украденные газеты, еще раз благодарю Вас и милую Марию Ивановну за дружеский ваш прием. Видно, какая-то притягательная сила, центр которой находится в Вашем доме, задерживает меня на пути, потому что насилу я добралась в двое суток до Перекопа.

Первую ночь я провела на хуторе г. Цомакиона, вторую – в Дюрмене (ныне ж/д станция Мамут в Джанкойском районе на севере Крыма. – Л. О.), и, кажется, придется провести третью здесь,

потому что лошадей нет, да и при тяжелой спешной дороге я ни в коем случае не успею сделать сегодня более одной станции.

Прошу Вас поблагодарить от меня Степана Федоровича и Елизавету Семеновну (Цомакионов. – Л. О.) за покойный ночлег на их хуторе, из которого я выехала довольно поздно, потому что, подъезжая к нему, мы загрузли в канаве на обледеневшем водопое и в моей коляске что-то сломалось. Приехавши в Москву, я тотчас займусь поручениями Марии Ивановны, но лучше будет, если она меня известит, хотя через Александра Ивановича (Казначеева – Л.О.), к какому сроку поручение должно быть выполнено.

Р. С. Прошу Марию Ивановну сказать Крым-Гирею, чтобы он дня через 2 узнал, получил ли губернатор газеты, которые я ему возвратила через перекопского исправника.

Шуба меня очень греет» [25, ед. хр. 351, л. 181–182].

Письмо, как видим, готовилось в дороге, по пути из Симферополя в Москву. Содержание вполне подтверждает, что накануне отъезда Анна Михайловна побывала в гостях у Княжевичей. Учитывая ночевки в пути, датировать отъезд от Княжевичей следует 25–26 января 1862 г. Фраза в письме, что о поручении Марии Ивановны лучше «известить через Александра Ивановича», думаю, объясняется следующим образом: Казначеев, находившийся в своем южнобережном имении, собирался выезжать из Крыма вскоре после отъезда А. М. Раевской и, по ее расчету, в Москву приехал бы гораздо раньше, нежели дошло до Москвы письмо Марии Ивановны. Отсюда следует и наша уверенность, что осень 1861 г. и январь 1862 г. Казначеев провел в Крыму.

Он, кстати, вообще любил зиму на Южном берегу. Обратимся, например, к переписке А. И. Казначеева 1840-х годов. В январе 1842 г. он писал в Петербург Ю. Н. Бартеневу из своего имения Минга в Артеке, близ Сууксинского холма (сегодня называется Пушкинской скалой) – сидя «на скале, под благодатным небом», «окруженный горами и высокою природой», где «от большого света так далеко, а от неба близко»: «<...> Сегодня 6 Генваря (Генваря! – Л. О.), а у нас светло и тепло по-весеннему; еще цветов много и зелени довольно, розовые кусты особенно сохраняют массу роз в полной свежести; миндали в зеленых листьях, не говоря уж о лаврах и оливах. Мы ходим гулять в летнем платье поутру, рвем розы на воздухе и украшаем обеденные столы свои огромными букетами; вечерние прогулки наши прекращаются лишь темнотою ночи. Если Вы спросите: “но всегда ли у вас такая весенняя зима?”, без ошибки и не обинуясь отвечать буду: “не всегда, а почти или около того”» [26, с. 123].

Заметим не только характерное «Генваря», но и использованные в письме диалогические конструкции – как и в стихотворном посвящении В. М. Княжевичу. И вот что еще важно в этой переписке 20-летней давности: следующее письмо А. И. Казначеев написал Бартеневу из Симферополя – «20 Генваря 1842» [26, с. 114–115]. Случайно ли предпринятый Казначеевым трудный выезд из горного Южнобережья в Симферополь (на лошадях не менее 6–7 часов пути) приурочен именно к 20 января? Не без оснований можем предположить, что Казначеев

стремился в Симферополь к этой дате, чтобы быть 21 января у В. М. Княжевича в день его рождения.

В 1862 г. для постаревших друзей встреча «21 Генваря» обрела уже символический смысл, и Казначеев спешил к Княжевичу («Я, больной, к Вам прискакал») – по погоде холодной, ветреной, «по дороге грязной, снежной». Он не мог пропустить дружеское торжество и потому, что знал о грядущих переменах в судьбе и карьере В. М. Княжевича, и в стихах поддерживал друга: «От Фортуны смело ждите...»

На семейном празднике Княжевичей 21 января 1862 г. Анна Михайловна по причине простуды не была, оставаясь в Карасане. Об этом она пишет (на фр. яз.) золовке, Софье Николаевне Раевской (сестре Н. Н. Раевского), из Харькова 9 февраля 1862 г.: что последние две недели в Крыму болела гриппом и что отъезд из имения задержали дела по устройству отношений с крестьянами [2, т. 5, с. 403]. К Княжевичам в Марьино она заехала по пути из Карасана в Симферополь после 21 января. Из Марьино, уже по морозной погоде, она отправлялась в Москву, и потому Княжевичи дали ей в долгую дорогу шубу.

Во время этого январского визита Анны Михайловны супруги Княжевичи, разумеется, говорили о приезде к ним 21 января А. И. Казначеева и показали стихотворение, которое гостя захотела списать с оригинала, сделав наскоро черновой набросок. Остается представить последнее: среди дорожных мытарств в течение двух суток, в ожидании лошадей на станции Акбары Анна Михайловна переписала стихотворение набело на отдельный листок, и произошло это, если оттолкнуться от черновика с пометой «В Перекопе», 28 или 29 января, а не 21 января – как указано в рукописи. Дата 21 января – в данном случае указание на само событие – день рождения В. М. Княжевича.

Но не одно это событие оказалось значимым для Княжевичей в январе 1862 г. 23 января 1862 г. ушел в отставку с поста министра финансов А. М. Княжевич. Последовательно настаивая на бюджетной гласности, он получил, наконец, накануне своей отставки Высочайшее повеление на обнародование «для всеобщего сведения» росписи государственных доходов и расходов («Табель доходов и расходов Государственного казначейства на 1862 год, составленная по государственной росписи, Высочайше утвержденной 22 января 1862 года»). В этот же день, 23 января 1862 г., А. М. Княжевич назначен членом Государственного Совета.

26 января 1862 г. в Симферополе В. М. Княжевич пишет прошение об отставке от должности председателя Таврической казенной палаты [6, ф. 49, оп. 1, ед. хр. 5672, л. 3–3 об.] и вскоре переезжает в Петербург.

А. М. Раевская и в Петербурге еще не раз обращалась к нему за дружеским советом по разным вопросам. Так, в воскресенье 14 марта 1865 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Поутру у В. М. Княжевича. Там познакомился с А. М. Раевскою, состоящею в родстве с Ломоносовым (муж А. М. Раевской Николай Николаевич по материнской линии приходился правнуком М. В. Ломоносову. – Л. О.). Она просила моего совета, как ей поступить, чтобы ознаменовать пожертвованием день 4 апреля – чествование Ломоносова в Академии наук. Она определяет для этого 2000 рублей, чтобы из них были учреждены стипендии для

образования в университете четырех молодых людей из крестьян Архангельской губернии, преимущественно Куроостровской волости. Мы с Княжевичем посоветовали ей обратиться с своим проектом к президенту Академии наук. Я взялся написать ей об этом бумагу» [15, с. 503]. На другой день, в понедельник 15 марта, Никитенко был у А. М. Раевской с готовым письмом к президенту Академии наук Ф. П. Литке, и письмо это Анна Михайловна одобрила. 20 марта Никитенко обедал у Раевской. 26 марта Раевская известила Никитенко, что царь утвердил ее стипендию, которая будет называться, по предложению Никитенко, «Ломоносовская стипендия Раевского». Таким образом, вся процедура заняла лишь 10 дней.

На академическом акте, посвященном памяти М. В. Ломоносова, Никитенко прочел речь «О значении Ломоносова в отношении изящной русской словесности», речь, как ему показалось, не очень удачную, но все же имеющую пользу. В знак признательности А. М. Раевская подарила ему фотографический портрет Ломоносова. А 29 декабря 1865 г. на обеде у Анны Михайловны собрались вместе В. М. Княжевич, А. И. Казначеев и А. В. Никитенко. «До обеда разбирал с хозяйкой черновые бумаги Ломоносова, которые хранятся у одного из потомков его – Орлова (сестра Н. Н. Раевского Екатерина Николаевна была замужем за М. Ф. Орловым. – Л. О.). Много бумаг написаны собственной рукою Ломоносова: почти все они касаются академических дел», – записал в дневнике Никитенко [15, с. 557].

Как видим, А. И. Казначеев, В. М. Княжевич и А. М. Раевская по-прежнему вместе.

Последние годы жизни В. М. Княжевич провел в столице. Запись в дневнике А. В. Никитенко от 17 декабря 1864 г. – наиболее впечатляющая характеристика В. М. Княжевича: «Вечером у Владислава Максимовича Княжевича. Вот один из немногих, у которых прекрасное сердце и ясный ум в связи с прочно установившимся возвышенным характером. <...> С первого взгляда в нем не подозреваешь ни того богатства мысли, ни той энергии в преследовании добра, ни той деликатности и полноты сердца, какими он вас изумит, когда вы поближе с ним познакомитесь. <...> Он любит Россию как благородный человек и как просвещенный гражданин» [15, с. 484].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Стихи в честь В. М. Княжевича. 21 января» потребовали широкого филологического и исторического комментария, помогающего лучше понять эпоху, которая, по словам издателя «Архива Раевских» П. М. Раевского, «охватывается сохранившимися документами». В этом смысле современная контекстовая актуализация стихотворения послужит восстановлению «фрагмента» к историческому портрету выдающегося крымского администратора А. И. Казначеева. Значимость представленных материалов состоит, как видим, в возможностях расширения регионального культурно-исторического дискурса.

Список литературы

1. Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3-х т. – М.: Худож. лит., 1986. – Т. 2. Воспоминания; Литературные и театральные воспоминания. – 557 с.

2. Архив Раевских / Изд. П. М. Раевского; Ред. и примеч. Б. Л. Модзалевского. Т. 1–5. – СПб.: тип. М. А. Александра, 1908–1915. – Т. 1 [Письма 1791–1829 гг.]. – СПб, 1908. – XV, 574 с.; т. 5 [Письма 1858–1876 гг.] – Пг, 1915. – XXV, 776 с.
3. *Базанов В. Г.* Ученая республика. – М.–Л.: Наука, 1964. – 462 с.
4. *Бобков В. В.* Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев: Основные вехи административной деятельности // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Симферополь, 2010. – Серия «Исторические науки». – Т. 23 (62). – № 1. – С. 32–41.
5. *Вацуро В. Э. С. Д. П.* Из истории литературного быта пушкинской поры. – М.: Книга, 1989. – 415 с.
6. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 49, оп. 1, ед. хр. 6384.
7. Записки графа М. Д. Бутурлина // Русский архив. – 1898. – Кн. 1, вып. 1–4. – С. 239–276.
8. К 75-летию Ялты. Воспоминания К. К. Эшлиман. Сообщено В. Кашкаровым // Русский архив. – М.: Синодальная тип., 1913. – Кн. 1. – № 3. – С. 341–359.
9. *Княжевич Вл.* Убивать время // Невский альманах на 1825 год. – СПб, 1825. – С. 165–181.
10. Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1855 // Русская старина. – 1877. – № 8. – С. 475–486.
11. Крымский миф в русской культуре первой половины XIX в. Свод малоизвестных свидетельств современников. Изд. подгот.: К. В. Борисова, А. В. Кошелев, В. А. Кошелев, Л. А. Орехова, Д. К. Первых, А. С. Шеремет. – Великий Новгород – Симферополь: ООО «Растр», 2017. – 768 с.
12. Мелкие рассказы Михаила Максимовича Попова // Русская старина. – 1896. – № 3. Март. – С. 543–565.
13. *Монтандон Ш.* Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стилос, 2011. – 414 с.
14. *Надеждин Н. И.* Род Княжевичей. – Одесса: Одесская городская типография, 1842. – 102 с.
15. *Никитенко А. В.* Дневник: В 3-х т. – Л.: ГИХЛ, 1955. – Т. 2: 1852–1865. – 651 с.
16. *Орехов В. В.* В лабиринте крымского мифа. – Симферополь – Н. Новгород: ООО «Растр», 2017. – 579 с.
17. *Орехов В. В.* Первый путеводитель по Крыму // Монтандон Ш. Путеводитель путешественника по Крыму, украшенный картами, планами, видами и виньетами и предваренный введением о разных способах переезда из Одессы в Крым. – Киев: Стилос, 2011. – С. 10–39.
18. *Орехова Л. А.* «Арзамас» и литературные ориентиры Д. М. Княжевича // Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сборник научных статей. Арзамас – Нижний Новгород: ООО «Растр», 2015. С. 114–124.
19. *Орехова Л. А.* Литературно-критические воззрения Д. М. Княжевича (по публикациям в «Санкт-Петербургском вестнике» 1812 года) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – Т. 1(67). – № 1. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2015. – С. 79–87.
20. *Орехова Л. А.* О преподавании русского и национальных языков в учебных заведениях Таврической губернии первой трети XIX века // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. – 2021. Филологические науки. – Т. 7(73). – № 2. – С. 137–152.

21. Орехова Л. А. О собраниях пословиц В. И. Даля, Ф. И. Буслаева и Д. М. Княжевича // В. И. Даль – писатель и этнограф: Сб. научных трудов, посв. 200-летию В. И. Даля. – Торжок, 2003. – С.103–114.
22. Орехова Л. А. Сосед Державина М. Д. Княжевич // Новгородский Державинский сборник (К 200-летию со дня смерти поэта). – Великий Новгород: Нов ГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. – С. 130–142.
23. Орехова Л. А., Орехов В. В., Первых Д. К., Орехов Д. В. Крымская Илиада. Крымская (Восточная) война 1853–1856 годов глазами современников: литература, архивы, пресса. – Симферополь: СГТ, 2010. – 480 с.
24. Разманова Н. А. «...Способен и достоин»: Д. М. Княжевич в министерстве финансов (1805–1837 гг.) // Гуманитарные науки. История. – 2012. – № 1(5). – С.97–106.
25. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. – Ф. 253. Архив Раевских. – Ед. хр. 680.
26. Юрий Никитич Бартенев (По его бумагам. 1840 годы) // Русский Архив. – 1898. – Кн. 1. – С. 100–124.

References

1. Aksakov S. T. *Sobranie sochinenij: V 3-h t.* [Collected works. In 3 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1986, vol. 2: Vospominanija; Literaturnye i teatral'nye vospominanija. 557 p.
2. *Arhiv Raevskih* [Archive of Raevsky] Ed. by P. M. Raevsky, B. L. Modzalevsky. St. Petersburg, Tipografija M. A. Aleksandrova Publ., 1908–1915, vol. 1. 776 p.
3. Bazanov V. G. *Uchenaja Respublika* [Scientific Republic]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 462 p.
4. Bobkov V. V. *Feodosijskij gradonachal'nik Aleksandr Ivanovich Kaznacheev: Osnovnye vehi administrativnoj dejatel'nosti* [Feodosia mayor Alexander Ivanovich Kaznacheev: Main milestones of administrative activity]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2010, vol. 23 (62), no. 1, pp. 32–41.
5. Vacuro V. Je. S. D. P. *Iz istorii literaturnogo byta pushkinskoj pory* [S. D. P. From the history of the literary life of the Pushkin era]. Moscow, Kniga Publ., 1989. 415 p.
6. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym* [State Archive of the Republic of Crimea]. Fund 49, inventory 1, item 6384.
7. *Zapiski grafa M. D. Buturlina* [Notes by Count M. D. Buturlin]. *Russkij arhiv*, 1898, vol. 1, no. 1–4, pp. 239–276.
8. К 75-летию Ялты. Vospominanija K. K. Jeshliman. Soobshheno V. Kashkarovym [To the 75th anniversary of Yalta. Memoirs by K. K. Ashliman. Reported by V. Kashkarov]. *Russkij arhiv*, 1913, vol. 1, no. 3, pp. 341–359.
9. Knjazhevich VI. *Ubivat' vremja* [Wasting time]. *Nevskij al'manah na 1825 god*. St. Petersburg, 1825, pp. 165–181.
10. *Knjaz' Aleksandr Sergeevich Menshikov v rasskazah byvshego ego ad#jutanta Arkadija Aleksandrovicha Panaeva. 1855* [Prince Alexander Sergeevich Menshikov in the stories of his former adjutant Arkady Alexandrovich Panaev. 1855]. *Russkaja starina*, 1877, no. 8, pp. 475–486.
11. *Krymskij mif v russkoj kul'ture pervoj poloviny XIX v. Svod maloizvestnyh svidetel'stv sovremennikov* [Crimean myth in Russian culture in the first half of the 19th century. Collection of little-known testimonies of contemporaries]. Ed. by K. V. Borisova, A. V. Koshelev, V. A. Koshelev, L. A. Orehova, D. K. Pervyh, A. S. Sheremet. Veliky Novgorod, Simferopol, Rastr Publ., 2017. 768 p.

12. *Melkie rassказы Mihaila Maksimovicha Popova* [Small stories by Mikhail Maksimovich Popov]. *Russkaja starina*, 1896, no. 3 (March), pp. 543–565.
13. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah perezda iz Odessy v Krym* [Traveler's guide to the Crimea, decorated with maps, plans, views and vignettes and preceded by an introduction about different ways of moving from Odessa to the Crimea]. Kiev, Stilos Publ., 2011. 414 p.
14. Nadezhdin N. I. *Rod Knjazhevichej* [Knyazhevich family]. Odessa, Odesskaja gorodskaja tipografija Publ., 1842. 102 p.
15. Nikitenko A. V. *Dnevnik: V 3-h t.* [A diary. In 3 volumes]. Leningrad, GIHL Publ., 1955, vol. 2: 1852–1865. 651 p.
16. Orehov V. V. *V labirinte krymskogo mifa* [In the labyrinth of the Crimean myth]. Simferopol, N. Novgorod, Rastr Publ., 2017. 579 p.
17. Orehov V. V. *Pervyj putevoditel' po Krymu* [The first guide to the Crimea]. Montandon Sh. *Putevoditel' puteshestvennika po Krymu, ukrashennyj kartami, planami, vidami i vin'etami i predvarenyj vvedeniem o raznyh sposobah perezda iz Odessy v Krym*. Kiev, Stilos Publ., 2011, pp. 10–39.
18. Orehova L. A. «Arzamas» i literaturnye orientiry D. M. Knjazhevicha ["Arzamas" and literary principles of D. M. Knyazhevich]. *Literaturnoe obshhestvo «Arzamas»: istorija i sovremennost'. Sbornik nauchnyh statej*. Arzamas. Nizhniy Novgorod, Rastr Publ., 2015, pp. 114–124.
19. Orehova L. A. *Literaturno-kriticheskie vozzrenija D. M. Knjazhevicha (po publikacijam v «Sankt-Peterburgskom vestnike» 1812 goda)* [Literary and critical views of D. M. Knyazhevich (according to publications in the St. Petersburg Bulletin of 1812)]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2015, vol. 1 (67), no. 1, pp. 79–87.
20. Orehova L. A. *O prepodavanii russkogo i nacional'nyh jazykov v uchebnyh zavedenijah Tavricheskoj gubernii pervoj treti XIX veka* [On the teaching of Russian and national languages in educational institutions of the Tauride province of the first third of the 19th century]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 137–152.
21. Orehova L. A. *O sobranijah poslovic V. I. Dalja, F. I. Buslaeva i D. M. Knjazhevicha* [On the collections of proverbs by V. I. Dal, F. I. Buslaev and D. M. Knyazhevich]. *V. I. Dal' – pisatel' i jetnograf: Sb. nauchnyh trudov, posv. 200-letiju V. I. Dalja*. Torzhok, 2003, pp. 103–114.
22. Orehova L. A. *Sosed Derzhavina M. D. Knjazhevich* [Derzhavin's neighbor M. D. Knyazhevich]. *Novgorodskij Derzhavinskij sbornik (K 200-letiju so dnja smerti pojeta)*. Velikiy Novgorod, Nov GU im. Jaroslava Mudrogo Publ., 2016, pp. 130–142.
23. Orehova L. A., Orehov V. V., Pervyh D. K., Orehov D. V. *Krymskaja Iliada. Krymskaja (Vostochnaja) vojna 1853–1856 godov glazami sovremennikov: literatura, arhivy, pressa* [Crimean Iliad. The Crimean (Eastern) War of 1853–1856 through the Eyes of Contemporaries: Literature, Archives, Press]. Simferopol, SGT Publ., 2010. 480 p.
24. Razmanova N. A. «...Sposoben i dostoin»: D. M. Knjazhevich v ministerstve finansov (1805–1837 gg.) ["...Capable and worthy": D. M. Knyazhevich in the Ministry of Finance (1805–1837)]. *Gumanitarnye nauki. Istorija*, 2012, no. 1(5), pp. 97–106.
25. *Rukopisnyj otdel Instituta russkoj literatury (Pushkinskij Dom) RAN* [Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences]. Fund 253 (Arhiv Raevskih), storage unit 680.
26. Jurij Nikitich Bartenev (Po ego bumagam. 1840 gody) [Yuri Nikitich Bartenev (According to his papers, 1840-s)]. *Russkij Arhiv*, 1898, vol. 1, pp. 100–124.

**AUTHOR AND ADDRESSER OF ONE POEM
FROM THE ARCHIVE OF A. M. RAEVSKAYA**

Orekhova L. A.

In the archive of M. Raevskaya has preserved the poem "To Vladislav Maksimovich. January 21, 1862". The text is handwritten by M. Raevskaya, but belongs to another author. In addition, the text has a mysterious mark "At the Akbary station" (this is a postal station in the north of Crimea). All this is an occasion for the creation of a philological and historical commentary. We know the name of the addressee of the poem. This is V. M. Knyazhevich - the chairman of the Taurida Treasury Chamber. But there are other questions. Who is the author of the dedication? How does the litter "At the station of Akbary" clarify the development of the creation of the poem? The answers to these questions are the subject of this article. The article uses a large number of philological, chemical, regional-historical, historical-biographical, archival materials. This allows us to express the conviction that the author of the poem is a friend of A. M. Raevskaya and V. M. Knyazhevich, the Tauride Governor of 1829–1837, Senator A. I. Kaznacheev.

Keywords: A. M. Raevskaya, V. M. Knyazhevich, A. I. Kaznacheev, "Essay on the Southern Coast of Crimea", "Odessa Almanac", literary Crimean studies.